

Выбираясь из автобуса, Цзинь Цзяньсин все ещё чувствовал себя странно невнимательным — мысли не желали собираться в кучу.

Перед глазами то и дело всплывала недавняя картина: Чу Тань на фоне пестрого ковра из ярких курток местных тетушек. Утонченный юноша с безупречной белой кожей и прохладным взглядом обернулся к нему прямо из эпицентра этой розово-цветочной суматохи.

Влажные глаза-миндалины слегка сощурились, а чуть покрасневшие уголки век напоминали размытый водой лепесток персика. Едва заметная улыбка на губах, мягкий солнечный свет... Казалось, от него исходило собственное тихое сияние.

Голос звучал негромко, но затягивающе — прохладный, сдержанный и одновременно дразнящий.

Каждое слово отдавалось в груди неявным жаром.

Особенно те четыре: «Он со мной...»

Фраза заставляла терять контроль над реальностью, а сердце — заходиться в каком-то безумном ритме.

«Это всё из-за тётушек, — на ходу успокаивал себя Цзинь Цзяньсин, почувствовав, как в груди суматошно бухает молот. — Или в автобусе просто было невыносимо душно...»

Пытаясь оправдаться перед самим собой, он поднял голову и осмотрелся.

Они тряслись в автобусе целых два часа. Естественно, хотелось оценить, куда их занесло.

Оценил. И едва не онемел.

Два часа пути ради... трущоб посреди строящегося делового района?!

Вокруг возвышались блестящие высотки, а в самом центре ютилась сплошная разруха — настоящая «деревня в городе».

Солнечный свет прекрасного дня сюда просто не пробивался, наглухо перекрытый громадами небоскребов. Улочки тонули в густой тени.

То ли здания от времени превратились в труху, то ли на фоне стеклянных гигантов выглядели настолько убого, но всё вокруг казалось мрачным, серым и абсолютно вымершим. Свет? Да тут даже людей на улице почти не было!

М-да...

Спрашивать у местных про инсоляцию и естественное освещение? За такое тут и шею свернуть могут! Подумают еще, что пришел издеваться или нарываться на неприятности.

Цзинь Цзяньсин терялся в догадках, но Чу Тань уже уверенно шагал вперед. Ничего не оставалось, кроме как догнать его широким шагом:

— Чу Тань, ты серьезно собрался проводить опрос по инсоляции в таком месте? Ты уверен?

— Уверен.

Короткий, ледяной отклик.

Ни следа от того обаятельного юноши, что пару минут назад легко миловался с тетушками в автобусе. Снова непроницаемый, отстраненный, словно держит всех — и особенно Цзинь Цзяньсина — за милю от себя.

«А ведь улыбающимся он выглядит гораздо лучше...» — промелькнуло в голове у Цзинь Цзяньсина, всё еще не избавившегося от недавнего впечатления.

— Да кто здесь вообще согласится заполнять бланки? — Цзинь Цзяньсин подозрительно прищурился. Неужели этот недотрога специально затащил его сюда, чтобы устроить измор?

— Наверное, никто. Хочешь попробовать? — спокойно парировал Чу Тань.

Ну точно. Использовал изощренную пытку.

Цзинь Цзяньсин прямо на лекции заявил, что встанет за ним тенью. Вот Чу Тань и решил избавиться от назойливого «хвоста», притащив его в глухой угол, где про солнечный свет отродясь не слыхивали.

Какой хитрый ход. Не ожидал от такого тихони!

— Попробую! Считаю, договорились!

У Цзинь Цзяньсина с детства проявлялся дух противоречия: чем сильнее ему перечили, тем упорнее он пер напролом. Подумаешь, какой-то опрос! Что тут сложного?

Он решительно развернулся, перехватил стопку анкет и кинулся к редким прохожим, точно промоутер, раздающий рекламные листовки.

Результат не заставил себя ждать: его банально игнорировали.

И ладно бы просто проходили мимо! На него смотрели с глубоким презрением. Старик, выплескивавший во двор воду из ведра, поначалу кивнул, но едва услышал слово «освещенность», чуть не вылил всю лохань Цзинь Цзяньсину на голову. А тетушка с авоськой овощей едва не вызвала полицию — спас лишь опрятный, дорогой шмот парня, намекавший, что перед ней скорее дурачок, чем мошенник.

Все это время Чу Тань, прислонившись к стене, невозмутимо наблюдал за представлением.

Доберман Цзинь оказался поразительно ведомым: хватило легкого полупапека, чтобы тот заглотил наживку. Но вот упрямства ему было не занимать.

Чу Тань рассчитывал, что после пары неудач парень опустит руки. Однако тот, получая отворот-поворот за отворотом и ловя презрительные взгляды, лишь сильнее распалялся.

«Да-а... Похоже, от такого просто так не отделаешься...» — про себя вздохнул Чу Тань.

Потерпев десятое поражение подряд, Цзинь Цзяньсин в конце концов замер посередине улицы. Понурые плечи, опущенная голова — вылитый крупный пёс, попавший под горячую руку хозяина.

Вид у него был бесконечно обиженный.

Наконец, исчерпав запас энтузиазма, «доберман» с недоумением воззрился на Чу Таня:

— А ты почему даже не пытаешься?

До Цзинь Цзяньсина только сейчас дошло: пока он сбивал ноги и сгорал от стыда, Чу Тань даже пальцем не шевельнул!

Это чья, в конце концов, курсовая?!

Заметив, что парень наконец обратил на него внимание, Чу Тань едва заметно изогнул уголок губ:

— А зачем?

— В смысле — зачем?!

— Все равно никто заполнять не станет, — с абсолютным спокойствием отрезал Чу Тань.

—...

Цзинь Цзяньсин потерял дар речи.

— То есть... ты просто надо мной издевался?!

Заставлять его бегать как укушенного, заранее зная результат — разве это не чистой воды издевательство?!

Вот ведь аномалия: почему рядом с Чу Танем он постоянно оказывается в дураках? Попадает в просак снова и снова, и жизнь его ничему не учит!

Улыбка Чу Таня стала чуть более заметной, но он сдержался — выкажи он сейчас иронию открыто, взвинченный «пёс» точно сорвется с цепи.

— Вовсе нет, — ровно проговорил он.

Его невозмутимый вид и прохладная интонация подействовали мгновенно, сбивая накал чужого гнева.

Выражение лица Чу Таня так и читалось: «Я вижу, как ты кипишь, но выдохни». Цзинь Цзяньсин решил сцепить зубы и послушать.

— Если лезть к людям в лоб с вопросами, здесь тебя каждый второй за дверь оставит. Скажи спасибо, что не побили.

—...

«Так ты же сам все понимал!» — мысленно рявкнул Цзинь Цзяньсин.

— Но опрос делать надо, — продолжал Чу Тань. — Значит, зайдем с другой стороны.

— С какой еще стороны?

— Рыбка клюет на правильную наживку.

— Ты в сказке живешь? — у Цзинь Цзяньсина аж глаз дернулся. — Наживка у него... Что-то на меня никто не клюнул!

Разве существует такой волшебный способ — чтобы никого не донимать, а люди сами в очередь выстраивались за анкетами? Почему он о нем ничего не знает?

— Потому что ты не сообразил.

—...

— Может, дело в твоём наряженном виде? Выглядишь как рэпер с улиц.

—...

— Хочешь, зачитай им рэп? Вдруг сработает?

—...

Ни словечка не упустит, чтобы не уколоть!

Чу Тань между тем молча достал из рюкзака планшет для рисования. Цзинь Цзяньсин опешил.

В какой момент рисование стало решением проблемы?

Что вообще можно зарисовывать в этих трущобах и как это поможет с анкетами по инсоляции?!

Тем не менее он замер, с любопытством наблюдая, что тот затеял.

Спустя пару минут Цзинь Цзяньсин вознамерился подойти поближе и заглянуть через плечо.

Но не успел он сделать и шага, как до него донеслось сухое:

— Замри.

Чу Тань поднял угольный карандаш и, прищурившись, стал отмерять пропорции его фигуры в воздухе.

«А?» — озадачился Цзинь Цзяньсин. Он что, рисует его?

Он на мгновение застыл. Чу Тань же его терпеть не может, с чего вдруг наброски делать? Чушь какая-то.

Первое замешательство сменилось недоверием, но когда Цзинь Цзяньсин окончательно убедился, что карандаш вымеряет именно его силуэт, в нем тут же проснулась спесь.

Осанку-то он вытянул в струнку, а вот рот запечатать не подумал:

— Ты меня рисуешь? А разрешения спросил? В курсе вообще, что у меня есть право на собственное изображение?..

— Чего так далеко встал, видишь нормально?

— Может, мне шаг вперед сделать?

— Смотри не ошибись в пропорциях, а то испортишь мой величественный образ!

Болтал без умолку.

Со стороны послушать — так можно подумать, будто Чу Тань снимает с него мерки для чего-то глубоко неприличного, а не делает стандартный набросок: то расстояние не то, то ракурс не передает всей глубины...

Трескотня не затихала ни на секунду.

Пока Чу Тань не поднял взор.

Цзинь Цзяньсин споткнулся о его ясный, чистый взгляд.

Заготовленная длинная тирада мгновенно застряла в горле.

С того самого момента в общении, когда он сорвал с Чу Таня капюшон и на миг встретился с ним глазами, тот больше ни разу не смотрел на него прямо.

Чу Тань либо отводил взгляд, либо старался держаться как можно дальше...

Даже когда Цзинь Цзяньсин следовал за ним буквально по пятам, Чу Тань виртуозно делал вид, будто рядом никого нет. Принципиально не дарил ни единого взгляда.

И вот теперь, столкнувшись с ним глазами, дерзкий и своевольный Цзинь Цзяньсин мгновенно вытянулся в струнку. Грудь колесом, подтянутый живот, поджарый и сильный торс — идеальная выправка.

Вылитый пёс, углядевший хозяина: весь притих, только хвостом вилять готов.

Прямо мистика какая-то — с чего вдруг такая покорность?!

Но...

Снять взгляд с этих глаз оказалось невыполнимой задачей. Персиковые очи Чу Таня были до нереальности хороши...

Густые длинные ресницы, изящный изгиб век, отчетливый контраст белков и темных зрачков, в глубине которых переливались тёмно-алые искорки. В этом дурманящем взоре хотелось утонуть без остатка, забыв обо всем на свете.

А эта крошечная алая родинка на левой мочке!..

Она чуть вздрагивала в такт движениям кисти, отбрасывая в преломленном свете призрачные отблески, точно вспышка дневного салюта...

Чу Тань тем временем не отвлекался ни на секунду: штрих за штрихом, уверенно и точно.

Вскоре на белоснежном листе ожил портрет.

Он с поразительной точностью передавал выразительные черты Цзинь Цзяньсина:

Густые угольные брови, яркий, открытый взгляд, безупречный овал лица... и губы, обладавшие для Чу Таня почти гипнотическим притяжением.

У Цзинь Цзяньсина были вовсе не тонкие губы — особенно нижняя, сочная и фактурная. В спокойном состоянии они сохраняли естественный розоватый оттенок, но стоит ему физически напрячься или поддаться эмоциям, как цвет мгновенно менялся.

Вот и сейчас: хоть он и стоял смирно, внутри у него явно всё кипело, отчего парень то и дело влажным кончиком языка касался собственных губ.

Раз за разом влага омывала кожу, и от этого непрерывного движения губы наливались всё более густым тоном.

В окружающем сумраке розовый глянцевый оттенок распался, превращаясь в винно-алый...

Темные влажные губы слегка размыкались и смыкались... Чу Таню казалось, будто это прикосновение настигает его самого.

Словно этот шершавый язык влажно проходил не по чужим, а по его собственным губам, раздвигая их, дразня, лаская, пока чужой насыщенный багрянец не въедался в его собственную кожу...

Жажда. Невыносимая, иссушающая жажда.

Лихорадочный огонь сжигал изнутри.

Дыхание становилось всё более частым, рваным... пока окончательно не вырвалось из-под контроля.

А Цзинь Цзяньсин всё это время не сводил с него глаз.

Он ловил каждый взмах угольного карандаша, каждую мимолетную эмоцию на лице... И вдруг заметил, как сбилось дыхание Чу Таня, как замерла его рука, а изящные, тонкие пальцы с силой сжали край планшета, словно справляясь с накатившей болью.

<http://bllate.org/book/20661/2119122>